

здесь он и встретился с князем Владимиром (1007 г.). И в этом случае немецкий епископ ехал вовсе не на Русь, не она была целью его путешествия, не с ней были связаны его интересы. Он не сообщает даже имени князя Владимира, ни слова не говорит и о таком событии, как крещение Руси; для него все решалось тем, что Русь была уже христианской страной. Что касается Титмара, то ему саксонцы рассказали, что Русь получила христианство из Византии, но изрядно напутали, приняв жену Владимира гречанку Анну за княгиню Ольгу.⁵

Иначе говоря, русский материал в немецких хрониках столь же небогат, как небогат немецкий материал в русской летописи, а главная причина этого — неразвитость самих связей между Киевской Русью и Германией. Следует заметить, что весь материал о русско-германских отношениях связан с теми моментами, когда государства разрывали тогдашнюю изолированность, выходили на международную арену. Такой момент наступил, когда княгиня Ольга обратилась к Оттону I с просьбой о присылке духовенства, но вслед за этим последовала языческая реакция на Руси и не всем членам оттоновской миссии удалось уйти живыми с киевской земли. На времена Владимира и Ярослава приходится ранний, чрезвычайно активный период в «натиске» германских феодалов на Восток; это продвижение по маршруту «натиска» своим правым флангом отдаленно коснулось и Киевской Руси — в виде мирного приезда Бруно Кверфуртского и в виде военного вторжения саксонского отряда с войсками Болеслава Храброго. Время Владимира и Ярослава, как известно, было периодом наивысшего взлета Киевской Руси, в том числе и в международном аспекте. Русь вышла на европейскую арену, причем масштабы ее международного значения в это время переросли рамки русско-германских отношений; Киевская Русь завязала связи не только с «окольными» государствами, но также с Францией, отчасти с Англией и со Скандинавией. С наступлением феодальной раздробленности эти достижения были утеряны.

* * *

Обратимся ко времени Александра Невского. Автор прав, когда говорит, что канонизация Александра Невского — дело политическое; причина, которая сделала знаменитого князя святым, это его победы над шведами на Неве (1240 г.) и над ливонскими рыцарями на льду Чудского озера (1242 г.). Но Гюнтер Штёкль глубоко неправ, когда пытается иронизировать над бесспорными фактами. Эти факты состоят в том, что нападения шведов и Ливонского ордена на Россию последовали непосредственно вслед за вторжением на русскую землю татарских завоевателей. Это, говорит Гюнтер Штёкль, и в дореволюционной русской историографии, и у советских историков изображается-де как заговор реакционных сил папства и Империи против России, как удар ножом в спину. Автор считает, что оснований для этого нет — в русских источниках и даже в Житии Александра Невского тогдашняя ситуация так не оценивается, события объясняются божьим попустительством, а в Никоновской летописи — ис-

⁵ Сведения о Руси носят случайный характер и у других авторов. Лиутпранд Кременский говорит о киевском князе Игоре в связи со своим путешествием в Константинополь. Адам Бременский дает некоторые сведения об общественном строе древней Руси в рассказе о прибалтийских славянах. Ламберт Герсфельдский сообщает о борьбе между сыновьями Ярослава, излагая историю Германии. Оттон Бамбергский упоминает о событиях на Руси потому, что в этом была необходимость в повествовании о христианизации прибалтийских славян. Гельмольд приводит данные о Руси в своей хронике о западных славянах, используя «Деяния гамбургских архиепископов» Адама Бременского. Все эти авторы пользовались сведениями из вторых рук.